

К 100-летию С.А. Есенина

1. РОССИИ нуждается в национальном поэте, точнее — национальном поэтическом гении. Это особенно остро чувствуется в последнее время, когда самосознание и самоуважение народа уязвлено, когда политические и экономические преобразования в бывшей коммунистической державе («стране негодяев») привели к краху государственности. И если международный авторитет добиться уже трудно, то смикшировать ситуацию внутри страны еще кажется возможным. И образ национального русского поэта, русского гения вполне может в этой ситуации стать той объединяющей силой, которая отвлечет массы от продолжающегося ущемления ее национальной гордости. Личность, биография и образ мученика Сергея Есенина, дитя российского сердечка — Рязани (пока еще не святого мученика, это только со временем), безусловно, более всего целен и наиболее точно соответствует политическим задачам.

В течение долгих лет Есенин почти не издавался (напомним, что при жизни только авторских книг у него было 33, а коллективных сборников, в которых публиковались его большие подборы, было 15 — по данным библиографического справочника Н. Юсова «Прижизненные издания С.А. Есенина», только к 100-летию со дня рождения Есенина умудрились выпустить 1-й том Полного собрания его сочинений (в отличие от Блока, Маяковского и др.), зато в последние годы вышло огромное количество мемуаров о поэте, исследовании его творчества (не поднимаются рука назвать эти исследования монографиями), даже романов о нем... Все это, безусловно, подогревало интерес к его личности и стихам.

Обстоятельства гибели Есенина — самоубийство — и новые воспоминания, проливающие свет на его жизнь, придали образу красивого, что немаловажно, поэта тот необходимый флер трагедии, который еще более привлекал интерес к его личности.

Вместе с тем, будучи поэтом, казалось бы, вполне доступным, хотя и не полностью опубликованным, причем поэтом русским, Есенин объединил в интересе к своему творчеству, как ни парадоксально, литературоведов крайне неадекватных, чаще просто бездарных, которые завели есениноведение в тупик, единственным выходом из которого оказался тот шовинистический угар, который начался вокруг его фигуры несколько лет назад. Оперировать или опираться, цитировать «труды по есениноведению» П. Юшина или Ю. Прокушева — дело безумное. «Есенин был кровно связан с жизнью народа, и прежде всего с жизнью русского крестьянства» (Ю. Прокушев) — из такого рода «откровений» состояло все есениноведение.

Единственной монографией о Есенине, заслуживающей доверительного отклика, является книга Аллы Марченко «Поэтический мир Есенина» (М.: Советский писатель, 1972). Это внимательный литературный анализ поэзии Есенина, в котором автор полемизирует с устойчивым мнением: «Идущие от Ю. Тынянова и Н. Асеева представление о последних стихах Есенина как о чем-то «недоромом и недобротном» должно быть пересмотрено». Марченко полемизирует с Еленой Ериловой (кстати, женой литературоведа В. Кожина), утверждавшей, что «на какое-то время жизнь одного из лучших русских

поэтов совершенно вписалась», а стихи его «вписались» в отстоявшийся традиционный жанр, где все содержание, образы, интонации стали штампом, той самой банальностью, которая так безотщадно «трогает сердце».

наивного разннца на самые экстравагантные скандалы, благодаря которым в связи с именем Есенина назывались лишь ничтожные имена...»

Это — мнение Лаврентова об имажинизме стало как бы пре-

писателя, представляющего бедняцко-средняцкие массы», — писала в те годы «Правда». Однако надо отдавать отчет в том, что, хотя Есенин и начинал с поэтами этой группы, талант его был много шире, личность

«ДУША МОЯ УСТАЛА И СМУЩЕНА...»

Читая новые книги о Сергее Есенине

То есть А. Марченко как раз и начала отстаивать позднюю лирику Есенина, как поэтическое откровение, а не банальность, уподобившись, безвкусицу...

2. ТА «борьба» за чистый образ народного поэта-лирика, певца деревни стала увлекать литераторов, приобрела масштабность за счет соблазнительной возможности стать продолжателем есенинских традиций; не обладая ни крупнейшей собственностью таланта. Достаточно было зарифмовать в строках «березки», «рожь» и «родную хату» (даже не сельскую, а деревенскую), как сочинительный литератор становился певцом своей скромной Родины, мог рассчитывать на поддержку шовинистически настроенных литераторов, проводивших литературную «борьбу» с «безродными космополитами», певцами города...

Вся биография Есенина и все его творчество охарактеризованы противостоянием города и деревни (время, время было такое — для противостояния, бурление масс, нахлынувших в город, бежавших от голода деревенских птенцов!). Специально

анализировать это не имеет никакого смысла, поскольку является краеугольным камнем всего есениноведения. Но разрывавшаяся политическая борьба вызвала (на уровне литературоведения) стремление игнорировать многие факты его биографии, замалчивать или негативно оценивать целые циклы его стихотворений, его поступки, круг его общения. Именно эта борьба вызвала стремление господ Прокушева и компании создавать из Есенина ангельского херувима с золотыми, рассыпанными по плечам кудрями и замалчивать имажинистский период его творчества. Огромное количество писем и материалов, связанных с Есениным, не было опубликовано именно по их инициативе, не было подготовлено именно по этой причине и собрание сочинений поэта. Превратив Есенина в «идеологический аргумент», они стремились убрать из жизни его облик, жертвуя при этом и поэзией, и правдой, и чужими репутациями.

Известно опубликованное в печати после смерти Есенина открытое письмо Бориса Лаврентова «Казенный дегенератив»: «Есенин был захвачен в прочную мертвую петлю. Никогда не бывший имажинистом, чуждый дегенеративным извергам, он был объявлен вождем школы, родившейся на пороге дуплиария и кабака, и на его славу, как на спасительный плащ, выплили литературные шантжисты, которые не брезговали ничем и которые наускивали

валировавшим во все последующие годы. Прекратились публикации стихотворений того же Мариненко, Шершеневича, другие эмигрировали или, как и друзья Есенина поэты-деревенщики, погибли в тридцатые годы. Но решительное отмежевание от имажинизма стало характерной чертой, современных есениноведов, пытающихся «защитить» Есенина и не претендующих на полифоничное и объективное восприятие поэта и его литературной судьбы.

3. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, в период сталинских репрессий поэты пострадали отнюдь не только «городские» поэты. Волна арестов нахлынула и на деревенскую «купицу», большая часть которой погибла именно в эти годы.

Анализ этой трагедии посвящена блестящая книга Натальи Солнцевой «Китежский Павлин» (М.: Скифия, 1991). В отличие от естественной дистанции, которая отделяет автора научного исследования от его объекта, данная книга более чем личностна. Не случайно название — «Китежский Павлин» — Николай Клюев, учитель и наставник Есенина («Понимаешь? Я его люблю! Это мой учитель. Ты подумай: учитель! Слово-то какое!» — это Есенин растолковывал юному Эрлику буквально за день до смерти).

Клюев явился той фигурой, которая объединила героев книги — Пимена Карпова, Сергея Клыкова, Петра Орешина, Алексея Ганина, Александра Ширяева, Павла Васильева и, конечно, самого Сергея Есенина.

«Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждым из нас в свое время», — вспоминал Сергей Городецкий. И далее настойчиво повторяет: «Будучи сильным всех нас, он крепче всех овладел Есениным». Под «всеми нами» имеются в виду многие деревенские поэты, к которым примыкал и Городецкий. (О любви-вражде Есенина и Клюева много писал С. Слуботин, в частности, в сборнике «Новое о Есенине». — М.: Наследие, 1994). «Думаю о тебе, какой ты горячий и круглолобий», — пишет Клюев Ширяеву, — целую тебя в очи твои и в сердце твое милое. Подобного рода поэтическая и бытовая близость связывала Клюева с многими современниками.

Древний Китеж, патриархальный уклад страны раздражали многих, как раздражали и певцы этого уклада.

Обвинения в антисемитизме, шовинизме, пропаганде кулачества, крестьянские поэты были затравлены и уничтожены. Мы «должны в буквальном смысле приставлять дуло ко рту

его была гораздо ярче — отсюда и его конфликт с деревенщиками, умение принять городскую жизнь и зарубежье... Это не маленький талантчик какого-нибудь тещевского Ивана Приблюдного (увы, тоже погибшего), но гений масштаба национального.

Впрочем, стремление трактовать гибель Есенина не как личную трагедию поэта, а как результат политической борьбы по-прежнему существует. Обычно все эти версии существуют изолированно друг от друга и даже не претендуют на большее, нежели гипотезу. И все же тиражирование их огромным количеством просто захватывает дух.

В очередной из таких книжечек («Гайна смерти Есенина» — М.: Зеркало, 1994) опубликован текст А. Яковлева, призванный доказать, что Есенина убили политические противники Каменева и Зиновьева (точнее — Сталин), поскольку он погиб в дни работы XIV съезда партии, на котором Камнев, в частности, заявил: «Лично я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб...»

Все эти гипотезы суть попытки приписать Есенину и его поэзии еще большую значимость, чем присуща ему изначально. Попытки приписать его фигуре особый политический вес.

4. УЖЕ упомянутая Н. Солнцева несомненно принадлежит к тем авторам, которые видят причину гибели Есенина в убийстве поэта: «Остается только догадываться о насилии, которое было совершено в пятом номере «Англетера» перед тем, как была затянута петля».

По уже известной традиции причиной, тем злом, которое довело Есенина до гибели, был имажинизм. Хорошо, что не нашлось пока еще свидетелей, что лично сам Мариненко, отравивший от жены и сына, приехал убивать Есенина в гостиницу «Англетер».

Следуя логике своей книги, Н. Солнцева и последние стихотворения Есенина, подаренное им Вольфу Эрлику, переадресуемое, естественно, Клюеву: «Ну, конечно, Эрлик... не мог иметь никакого отношения к этому «до свидания, друг мой, без руки, без слова...» (у автора почему-то «без руки и слова» — А.Ш.). Он попросту не мог.

Далее исследователюница утверждает, что «купица» восприняла это стихотворение, «как послание к ней, купнице». Парадоксально, что в других публикациях исследователей и современников, несмотря на то, что это стихотворение, посвященное

именно мужчине («милый мой»), оно поочередно переадресовывалось Софье Толстой, Галине Бенниславской, Зинаиде Райх. Катавас считал, что Есенин написал ему, а безумный Юрий Прокушев счел, что оно адресовано рабочему поэту Якову Цейтлин, приславшему на отзыв Есенину свои стихи (Ю. Прокушев, «Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха» — М.: Современник, 1986).

Никто не хочет допустить, что стихотворение посвящено именно тому, кому подарено. «Тебе!» — сказал Есенин Эрлику, вкладывая листок из блокнота в его нагрудный карман.

До сих пор отечественные исследователи обходят то, что англичанин Гордон Маквей в своей книге «Есенин. Жизнь» (Анн Арбор, Ардис, 1976) однозначно характеризует, как сексуальная амбивалентность поэта в его отношениях с людьми, которые были «открытыми гомосексуалистами или имели бисексуальные эпизоды в своей жизни (С.Тородецкий, Рюрик Ивнев, Леонид Кангиссер)». Профессор Университета Беркли Саймон Карлсбург в своей рецензии на эту книгу («Нью-Йорк Таймс Бук ревью», 9 мая 1976 г.) уточняет, что «Клюев был открытым гомосексуалистом, а Есенин в течение нескольких лет его любовником».

Нет необходимости углубляться в анализ этих тезисов, можно их и игнорировать, но объективную картину жизни и трагедии Есенина без учета этой особенности его психической характеристики составить невозможно.

В период знакомства с Есениным Эрлик еще его ученик — его первая книга «Волче сердце» вышла лишь в 1928 году. «Вольф Эрлик, встретившись в первый раз с Есениным, так был взволнован и потрясен, что с того дня стал сближаться с ним, и наконец это сближение закончилось большой и настоящей дружбой», — писал Николай Тихонов.

В Ленинграде Есенин планирует снять с Эрликом большую квартиру, начать издавать журнал... Может быть, это навившая попытка вернуться в юные годы? В контексте этих взаимоотношений последнее стихотворение вполне логично посвящено Эрлику, и иных трактовок быть просто не может.

Собственно говоря, все современные исследования жизни Есенина практически невозможно проводить, игнорируя книгу Анатолия Панфилова «Есенин без тайн» (М.: Народная книга, 1994). В ней автор скрупулезно собрал многие свидетельства именно психического расстройства Сергея Есенина, которое было едва ли не врожденным и сопутствовало ему всю жизнь. Оно отложилось в неосомненный отпечаток на неуравновешенное поведение поэта, его трагедию.

Но становится ли Сергей Есенин менее великим русским поэтом от того, что мы знаем как светлые, так и черные стороны его характера и души? Безусловно, нет. Как и другие великие русские писатели. Именно тем он и дорог своим читателям, что полновечен, естествен в своих проявлениях, открыт в чувствах. Идеализировать его, канонизировать — бессмысленно и неразумно. Попытки сделать из Есенина очередную национальную икону говорят лишь о нездоровье общества. Многие до сих пор еще полагают делать литературу ареной политической и идеологической борьбы. Мелкие игры, недостойные великого поэта, ни великого народа.

Александр ШАТАЛОВ.

К 100-летию С.А. Есенина

ВОСЬМИСТИШИЕ ДЛЯ ДРУГА
Из будущей книги «Загадка Есенина»

1. МНОЖЕСТВО людей претендовало и претендует на то, чтобы считаться самым близким, самым интимным другом Есенина, и зачастую безо всякого основания. А между тем друзей ему недоставало всегда, даже в юности, когда знакомства и легче, и проще, и расхождения между людьми не столь глубоки. Зеленым юношей он писал любимой: «Тяжело мне жить на свете, не к кому и голову склонить, а если есть, то такие лица от меня всегда далеко и их очень-очень мало, или, можно сказать, одно или два».

У каждого из нас друзей почти нет или нет совсем, но мы или смиряемся со своим одиночеством, или привыкаем довольствоваться деловыми, приятельскими, по большому счету малосущественными отношениями. Есенин не мог разменивать чувства и удовлетворяться эрзацами дружины. Но он не мог и не хотел примириться с одиночеством. Отсюда эта незаживающая рана, неутихающая боль: «Кого позвать мне? С кем мне поделиться?»

Но почему тогда так часты в его стихах обращения к другу? «Друг мой, друг мой, я очень и очень болен... К кому это? Ни к кому и ко всем. Это воображаемый друг, настоящий, глубокий, близкий душой — такой, какого поэту недоставало в действительности. Им можете быть вы, могу быть я — любой человек, любящий и понимающий поэта. И все же к кому конкретно он обращался как к другу? Очень часто к себе самому. «Давай, Сергей, за Маркса тихо сядем...», «Скучно мне с тобой, Сергей Есенин, поднимаю глаза...» А отчетливее всего здесь:

Наша горница хоть и мала,
Но чиста. Я с собой
на досуге...
В этот вечер вся жизнь
мне мила,
Как приятная память о
друге.

Очень часто он расширяет свое «я», преобразуя его в «мы». Этим он не только избавляется от монотонно-навязчивого «ячества» — опасности, грозящей всякой лирике, но достигает обобщения, придавая некоторую универсальность своим, лично прочувствованным словам. «Мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать» — кого он понимает здесь под словом «мы»? Не просто людей, люди уходили в небытие всегда, а он особо подчеркивает слово «теперь». Поэт говорит так о людях своего поколения, о ровесниках, один из которых только что умер. Эти строки перекидываются с другими, написанными в том же году:

Мы умираем,
Сходим в тишь и грусть,
Но знаю я,
Нас не забудет Русь.

Здесь под «мы» понимаются большие поэты России, но дальше это слово исповяду наполняется новым, очень личным содержанием. «Мы рифмы старые рас сорок повторим. Пускаться сумеем Гоголя и дым». Гоголя «пускал» только он сам, и «дым» — лирическая дымка, музыкальная нечеткость, нежизненность образа — тоже его, и традиционные в основе своей рифмы — есенинские. Это о себе самом. Ему вообще были свойственны беседы с самим собой, далеко не всегда дружелюбные.

II

ПРЕДСМЕРТНЫЕ стихи Есенина скандально известны. В них усматривали вредный призыв к уходу из жизни, пессимизм, отчаяние. В действительности это очень мягкие, мудрые, доброжелательные строки. Но прощальные и предсмертные — иначе их воспринять нельзя. И написаны они были за сутки до смерти. Попадали они в руки любому по-настоящему доброжелательному человеку, и знай тот, что поэт еще жив, все было бы сделано для того, чтобы предотвратить само-

убийство. Вольфу Эрлику они были даны за сутки, и он спокойно продержал их в кармане пиджака, не посчитав нужным прочесть (или забыть о них, что не лучше). А ведь это была не квинтэссенция из прагматичной, а стихи великого поэта, только что написанные кровью, Эрлик знал, сам описывая слышанный им разговор поэта с женой знакомого журналиста, проживавшей в номере рядом, видел, как Есенин демонстративно показывал на руке надрез. Тут же поэт опять же демонстративно вырывает листок со стихами из блокнота, издает их показывая и сам кладет их Эрлику в карман пиджака, говоря при этом: «Тебе». Тот не пожелал даже взглянуть, прочесть стихи захотела Елизавета Устинова, но Есенин не позволяет. «Нет, ты подожди», — говорит он. — Останется один, прочитаешь». Это было утром. Трудно поверить, что за целый день Вольф Эрлик никак не отлучался, не смог выбрать момента, чтобы прочесть написанные кровью слова! Он не сделал этого ни вечером, ни у себя дома ночью. Только узнав о кончине друга, он поинтересовался содержанием своего кармана. Я полагаю, что отношение к прощальной записке сыграло решающую роль в том, что поэт покончил с собой именно в ту ночь. Речь не о том, что это было бы первоначальной самоубийства, мотивы которого гораздо глубже и неизбывнее. Невнимания к поэту в этот день сыграло роль роковой капли, переполнившей чашу терпения. Прощальные стихи были написаны ночью с 26-го на 27 декабря, но в эту ночь Есенин с собой не покончил. Записка написана как бы впрок, поэту еще надо убедиться в том, что этот шаг его внутренне оправдан. Он и здесь остается не легкомысленным, поддающимся мимолетному настроению человеком, а серьезным и глубоким. Эта демонстративность, с которой он обставлял передачу записки, свидетельствует скорее всего о том, что Есенин провел своеобразный психологический эксперимент. Весь день он ждал, что о нем намерены уйти из жизни и постараются предотвратить. Но время шло, а дела поэта не было никому, а дела не вел малоначальник разговоров, слегка паясничав, но внутренним взором внимательно следил за окружающими людьми, особенно за тем, кто считал себя его другом. «Есенин говорил почти весело», — свидетельствует Эрлик. «Он смеялся с горькой складочкой около губ», — так описывает Есенина тех дней другой очевидец и добавляет: «За ужину Есенин ел только кости и уверял, что только в гусиных костях есть вкус. Все смеялись». С его стороны это был юмор висельника, но никто не понимал истинного смысла происходящего. Только он понимал все и горько забавлялся этим.

Все дни перед смертью Есенин постоянно, навязчиво дает понять своему окружению, что готовится к концу, но ни до кого не доходит, все очень толстокоже и удивительно легко, как говорится, переносит чужие несчастья. За три суток до смерти, рано утром, лежа в постели, Есенин в присутствии Эрлика смотрит ленинградский рассвет. «Окна номера выходили на Иса-

киевскую площадь, — вспоминал Эрлик. — Сначала свет был густой синий. Постепенно становился реже и голубее. Есенин лежал напевал: «Синий свет, свет такой синий!» Это Вольф Эрлик запомнил. Но, к сожалению, запомнил, что следующая строка: «В эту синь даже умереть не жаль», не понял, что про «синий свет» напевал Есенин из-за следующей строки, а вовсе не потому, что за окном голубело. «Разговоры были одни и те же: квартира, журнал, смерть», — продолжает мемуарист. Кто вел подобные разговоры, надеюсь, ясно. Сделаем кинематографический ход: «прокрутим» эту фразу еще раз, помедленнее. Итак: «Разговоры были одни и те же: квартира, журнал, смерть». Стоп! Прокрутим снова — и стоп-кадр: «Разговоры были одни и те же: ...СМЕРТЬ». Ясное дело! Но Есенин не успокаивается и на этом. Эрлик рассказывает: «А знаешь, ведь я сухоруким буду — Он вытаскивал левую руку и старается пошевелить пальцами. — Видал? Еле-еле ходят. Я уж у доктора был. Говорит — лет пять-шесть прослужит рука, может, больше, но рано или поздно высохнет. Сухожилки, говорит, перерезаны, потому и гроб». Он поматал головой и грустно охнул: «И пропала моя белая рученка... А прощание, шут с ней! Сиявши голову... как люди-то говорят?» Красноречиво, не правда ли?

Вечером 27 декабря великий поэт уже был полон решимости. Вольф Эрлик вспоминает: «Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накиннув шубу, и просматривал старые стихи. На столе была разбита папка». Смерть наступила около пяти утра, определили эксперты. Постель была совершенно нетронутой. Поэт ждал «друга» всю ночь, но тот так и не вспомнил о нем, не прибежал, не удержал от рокового шага, который Есенин теперь уже вынужден был сделать — хотя бы из соображений чести, чтобы остаться до конца человеком слова и дела. Спровоцированная Есениным ситуация сработала безотказно. Удар равнодушия оборвал последние нити привязанности к жизни.

«До свидания, друг мой, до свидания», — эти слова Эрлик прочитал уже после смерти Есенина, целиком относя их к себе и не догадываясь о трагической иронии, которая появилась в такой их трактовке за прошедшую ночь, не понимая, что они теперь по его адресу. — Последняя из горьких усмешек поэта. И это самое страшное, а вовсе не то, за что ухватились поверхностные критики: «...В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей». Здесь только спокойная мудрость, а истинный трагизм — в душевной черствости, невнимании к человеку, который написал такие теплые, душевные слова перед лицом смерти, зная, что никому не нужен.

Люди, окружавшие Есенина перед его кончиной, не были жестокими, злыми, заведомо недоброжелательными. Но они были недостаточно внимательными и сердечными. Это не так уж мало. Равнодушно отнесшийся к предсмертным стихам Есенина Вольф Эрлик — кем он был? Недоброжелателем? Завистником? Просто бездумным? Ничуть не бывало. Вольф Эрлик был честнейшим, правдивым, скромным юношей. Он романти-

чески влюбился в поэзию Сергея и обожал его самого. Одна беда — в практической жизни он мало понимал. «Милый мальчик», — говорил о нем Есенин, и, пожалуй, лучше не скажешь. Этим словам Матвея Ройзмана веришь. Больше того, я сам знаю, что Эрлик любил Есенина, он написал о своем гениальном товарище прекрасные воспоминания, едва ли не лучшие во всей есенинской мемуаристике, полные достоверности, наблюдательности и любви. Но этой любви оказалось недостаточно, чтобы помочь Есенину уйти из жизни в ту роковую ночь. Но что Вольф Эрлик! Он не один, оканчивается, был причастен к страшному есенинскому концу. Сделаем скидку также и на то, что юноша Эрлик действительно мало что понимал в практической жизни. Хуже другое. Я только недавно узнал, что жена журналиста Устинова, старого приятеля Есенина, жившая с мужем в номере по соседству, куда поэт часто заходил, устала от этих визитов и не пустила гостя в ту самую последнюю ночь. Есенин стучал к ним — она не открыла. Да, с ним было очень не легко, и все же... Не зря, как рассказывают, ее мучила совесть после есенинского конца и она признавалась, что косячила в нем повинна. А вот женщина, которая считает себя одной из самых близких Есенину, его другом — Анна Берзинь, вот что она пишет в своих воспоминаниях: «Через несколько минут опять звонок, и опять Есенин просит прийти и как всегда, когда он пьян, начинает прикидываться, что его обижают и что им пренебрегают...» Уже эти несколько фраз — самопризнание в нехватке чуткости. Многократные звонки Есенина с просьбой прийти — и не на любовное свидание, а разделить одиночество — уже характерны. И что же? Понимает ли она, что ему плохо, что он страдает? Как же! Она полагает и полагала, что он «прикидывался». Тут не только в нехватке чуткости дело, но и в недостатке ума, ведь то, что пьяный не «прикидывается», а раскрывается, обижает все сокровенное, знают почти все! Но Есенина больше задевало не недомыслие близких, а их нравственная тупость, поэтому он довольно часто с полным правом мог утверждать, что его обижают и что им «пренебрегают». Он очень страдал от нехватки душевного тепла.

А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые, и молодые лица.
Но кому-то мне шлопыть,
поклониться,
нахожу приют.

«...Самое тревожное в современной цивилизации то, что вместо непосредственных людских отношений она ставит вещный и идеологический фетишизм, любовь к вещам и призракам. Слушание вешам и идеям застилает непосредственное общение между людьми. А человеку — такому его инстинкты — нужно прилепиться не к мечте, не к призраку, не к вещи, не к стиху, а прежде всего к живому, конкретному собрату, его ощущающему, радящего ему, помогающего и ради него работающего», — писал глубокий и умный критик Александр Воронский вскоре после трагической гибели Есенина.

Георгий НИКОЛАЕВ.